

**АНАТОЛИЙ
ИВАНОВ**

**НЕЛИЦЕМЕРНАЯ
РОССИЯ**

Анатолий Иванов
Нелицемерная Россия

«Книжный мир»

2020

УДК 327.54
ББК 63.3(0)6

Иванов А. М.

Нелицемерная Россия / А. М. Иванов — «Книжный мир», 2020

ISBN 978-5-6049314-3-1

Встреча с творчеством Анатолия Михайловича Иванова, которое является не сколько его продолжением, сколько его сутью - событие. Даже - праздник. Тот самый «пир духа», о котором столько говорится, но на котором так редко удаётся побывать. О чём бы он не писал, о глубинных корнях украинского извращённого национализма, об истинных причинах Первой Мировой Войны, о природе тайных мировых сообществ, о механизме становления диктатуры итальянского фашизма, о сути взглядов современных европейских правых и т.д. - всё резко, свежо, откровенно и очень убедительно. Последнее - потому что автор - человек мыслящий, источники у него серьёзные, а логика трижды железная. Удивительное дело: даже сейчас непосредственно о России, о делах и реалиях российских А. М. Иванов пишет крайне нечасто. Предметы его исследований обычно имеют глобальные мировые, в крайнем случае, европейские, масштабы. Но... Какую бы тему не избирал учёный предметом своего исследования, везде присутствует российский ракурс, российский взгляд, российские параллели. Словом, Россия непременно присутствует! Причём, Россия не лакированная, не зализанная комплиментами. Словом, нелицемерная Россия! В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 327.54
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-6049314-3-1

© Иванов А. М., 2020

© Книжный мир, 2020

Содержание

Титан парящий	7
Русский синтез	9
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Анатолий Михайлович Иванов

Нелицемерная Россия

© Иванов А. М., 2023

© Книжный мир, 2023

© ИП Лобанова О. В., 2023

Титан парящий

Людей мыслящих в России мало.

Людей порядочных по отношению к истории, истине, к самому себе в Отечестве немного.

Людей мыслящих и порядочных в названных параметрах в нашем Государстве сегодня вопиющий дефицит. Отсюда и большинство кровоточащих проблем Родины, беды народа, досадные проколы внешней и внутренней политики Державы.

На таком фоне всякая встреча с творчеством Анатолия Михайловича Иванова, которое является не сколько его продолжением, сколько его сутью – событие. Даже – праздник. Тот самый «пир духа», о котором столько говорится, но на котором так редко удаётся побывать. О чём бы он не писал (о глубинных корнях украинского извращённого национализма, об истинных причинах Первой Мировой Войны, о природе тайных мировых сообществ, о механизме становления диктатуры итальянского фашизма, о сути взглядов современных европейских правых и т. д.) – всё резко, свежо, откровенно и очень убедительно. Последнее – потому что автор – человек мыслящий, источники у него серьёзные, а логика трижды железная.

Удивительное дело: даже сейчас непосредственно о России, о делах и реалиях российских А. М. Иванов пишет крайне нечасто. Предметы его исследований обычно имеют глобальные мировые, в крайнем случае, европейские, масштабы. Но... Какую бы тему не избирал учёный предметом своего исследования, везде присутствует российский ракурс, российский взгляд, российские параллели. Словом, Россия непременно присутствует! Причём, Россия не лакированная, не зализанная комплиментами. Словом, нелицемерная Россия!

Пересказывать мысли и выводы А. М. Иванова – дело бесполезное и даже опасное: непременно потеряется то, что сначала кажется пустяком, а потом оказывается самым важным и самым ценным. Поэтому А. М. Иванова надо читать. И, разумеется,...думать! При этом не удивляться, не огорчаться, не сетовать, когда выводы от прочитанного с корнем выворачивают из сознания привычные, полученные не только на университетской скамье, представления, но и появившиеся в последнее время, вроде бы новые, вроде бы смелые и правильные оценки и характеристики. Более того, чтобы соглашаться с автором надо иметь немалое мужество, потому что «история по А. М. Иванову», «геополитика по Иванову», «мировоззрение по Иванову» – всегда вызов, бунт. А, значит, и «крест» на многих академических, авторитетах, ниспровержение целых научных школ. Значит, и дополнительные сложности в отношениях с официальными структурами и прочей «номенклатурой». Более того, порою и собственные взгляды и убеждения рядом с «системой Иванова» могут представиться примитивными, даже убогими. Грустно и тяжело признавать личное несовершенство.

Не боюсь повториться, А. М. Иванов – учёный слишком смелый, слишком самостоятельный. Потому и неудобный, одинокий, чаще просто незамеченный, чем критикуемый. На эфир его не приглашают, интервью у него не берут, до комментариев на актуальные темы не допускают. Вдруг рубанёт сплеча, развенчает кумира, просто скажет не то, к чему все привыкли и что всех устраивает. А полемизировать с ним бояться, потому что, как уже отмечал, человек – он мыслящий, логика у него железная, источники серьёзные. Соответственно, и выводы у А. М. Иванова в итоге кинжальные, разящие наповал.

Даже те, кто причисляет себя к патриотам, к представителям национального возрождения не спешат считать его «своим» – их пугает масштабы и глубина изысканий учёного. А ещё – они просто завидуют гению. «Испуганные» творчеством А. М. Иванова распускают мутные слухи, что он «не совсем наш», что у него «неправильные отношения с Православием», что «маловато в его изысканиях почвы». Последнее – ерунда, рождённая, повторяюсь, трусостью, завистью, элементарной глупостью. Именно А. М. Иванов (тогда легендарный, только что вышедший из подполья и запретов, трижды до этого примеривший шкуру советского политссыльного А.

М. Иванов – Скуратов) деятельно участвовал в становлении газеты «Русский Вестник», был членом первого самого яркого и дерзкого состава редколлегии уникального издания. Лично, как работавший в этой газете в начале 90-х годов, свидетельствую: этот автор был популярен, даже любим: читатели и подписчики звонили в редакцию, интересовались, «будет ли в следующем номере Иванов», «о чём очередная статья Иванова, «почему мало печатаете Иванова». Помню, какой ошеломляющий успех имела изданная тогдашним главным редактором «Русского Вестника» А. А. Сениным работа А. М. Иванова-Скуратова «Логика кошмара». В ней автор проанализировал с совершенно новых позиций непростые процессы, будоражившие советское общество в 30-е годы прошлого века, условно называемые «сталинскими репрессиями» и пришёл к совершенно неожиданным выводам. Книга, тираж которой неоднократно допечатывался, имела большой резонанс в виде писем и откликов.

Помню и его мужественное, написанное вопреки тогдашней политической конъюнктуре предисловие к моей книге «Боснийская тетрадь». Анатолия Михайловича вовсе не смутило, что мои личные впечатления от югославской войны никак не вписывались не только в либеральные, но и в привычные патриотические трафареты. Спокойно и убедительно напомнил он российскому читателю, что «окопная правда», не менее ценная и важная, чем любая прочая правда. За что, понятно, и был атакован теми, кому привычнее питаться «жёванным» и повторять истины уже не раз звучавшие, но которые всех устраивают.

Впрочем, популярность, востребованность и «всякая там тиражность», не сомневаюсь, меньше всего волнуют автора. Всем этим он «переболел» и совершенно без осложнений давно, в самом начале своей незаурядной биографии. Похоже, он, как истинный титан мысли попросту парит над всем, что тревожит и заботит обычного, даже подвизавшегося в научном мире, человека. Это естественно, потому что Истина зрима и понятна именно с высоты. А с Истиной у мыслителя А. М. Иванова всё в порядке.

Высокого и долгого полёта, тебе, Анатолий Михайлович! Новых ярких книг и смелых статей! Уверен, ни возраст, ни хвори этому не помеха.

*Земцов Борис,
член Союза Писателей РФ,
заместитель главного редактора газеты «Русский
Вестник».*

Русский синтез

Что именно нам надо «синтезировать»? Да, прежде всего, нашу собственную историю.

В 1980 году издательством «Молодая Гвардия» была выпущена книга Ф. Нестерова «Связь времен», которая имела большой успех в патриотических кругах. Главной целью автора было связать советский период с русским прошлым. Для русских эмигрантов этот период был «провалом» в русской истории, для западных «советологов» – ее естественным продолжением, потому что Россия всегда была, есть и будет «какая-то не такая», не соответствующая евро-стандартам.

Ф. Нестеров противопоставлял такой негативной связи времен позитивную. Его книга переиздавалась несколько раз, не мешало бы переиздать ее и сегодня, когда опять в ходу теория «провала», «черной дыры». Впрочем, это не первый случай подобных метаний – ими, к сожалению, полна наша история, нестеровской «связи времен» в ней как раз и нет, она какая-то бессвязная «дискретная», как сказали бы любители иностранных научных терминов. Эту ее особенность отмечал и М. О. Меньшиков: «К сожалению, у нас история идет судорожными скачками»¹.

Первоначально Русь была языческой. Православные иерархи до сих пор уверяют свою паству, что славяне до того, как воссиял свет христианства «живяху звериным обычаем». Между тем убежденный язычник Святослав раздвинул границы Киевской Руси до таких пределов, что она по тем временам вполне могла бы считаться мировой державой. Первым начало рвать русскую историю на куски христианство.

До сих пор идет спор, чьим именно государство была Киевская Русь.

М. Грушевский объявил его «украинским», свихнув мозги многим, «малым сим», которые и доньше из-за этого просто лопаются от гордыни. Однажды при мне спорили украинец и русский. Украинец утверждал: «Мы дали вам все – культуру, христианство», и высокомерно заключал: «Я тебя культурней». «Оно и видно, что ты культурней» – засмеялся русский. Но самым смешным было то, что украинец работал в торговой сети, а русский был профессором Академии общественных наук.

Спор о Киевской Руси беспредметен, потому что тогда еще не было ни русской, ни украинской наций. Киевская Русь была полным аналогом империи Карла Великого в Западной Европе. Чьей она была: немецкой или французской? Не было тогда ни немцев, ни французов.

В русской литературе обожателем Киевской Руси, варягов и вечевого уклада был А. К. Толстой. Зато Московскую Русь он просто ненавидел, за что его очень любят украинские националисты. В балладе «Змей Тугарин» он задним числом предрекал:

*«...время придет,
Уступит наш хан христианам,
И снова поднимется русский народ,
И землю единой из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!»
«И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!»*

Ни Змей Тугарин, ни А. К. Толстой не предвидели, что придёт время, и русские извращенцы, т. н. «евразийцы», будут считать такую преемственность благом. Н. С. Трубецкой вещал: «Московское государство возникло благодаря татарскому игу. Русский царь явился

¹ М.О. Меньшиков. Письма к русской нации. Приложение к журналу «Москва», М., 1999, с. 215.

наследником монгольского хана; свержение татарского ига свелось к замене татарского хана православным царем и перенесению ханской ставки в Москву. Произошло обрусение и оправославление татарщины, и Московский царь оказался носителем этой новой формы татарской государственности»².

Ф. Нестеров оспаривал точку зрения евразийцев, хотя с ней хочется не спорить, а по примеру Маяковского, просто плюнуть на нее. Московская Русь, – писал Ф. Нестеров, – ничего не приобрела от своего подчинения Золотой Орде. Золотая Орда, как и вся история Чингисханидов, даже на вершине своего военного могущества оставались всего лишь примитивными формами кочевого феодализма, а кочевой феодализм... представляет собой тупик на пути социального развития». «Москва очень охочая, вообще говоря, к перенятию ценного заграничного опыта, ничего не взяла у Золотой Орды в сфере политики и идеологии просто потому, что нечего было брать»³.

Особенности развития Руси определялись её геополитическим положением. М. О. Меньшиков писал: «Из всех племен старого материка мы, славяне, кажется, самое несчастное в отношении нашествий. Мы поселились как бы в проходной комнате между Европой и Азией, как раз на пути великих переселений. Почти вся наша история есть сплошная драма людей, живущих на большой дороге: то с одной стороны ждёшь грабителей, то с другой... Нашим предкам приходилось отбиваться на все четыре стороны света»⁴.

Ни один пространственный экскурс в историю Московии не обходится у западных историков без ссылки на записки о ней барона Герберштейна, посла германского императора при дворе Василия III.

Слова из этих Записок «всех одинаково гнетёт он жестоким рабством... распоряжаясь беспрепятственно и по своей воле жизнью и имуществом всех» выделяются западными историографами курсивом, и дальше начинаются их псевдо-глубокомысленные рассуждения о принципиальном различии европейской монархии и русской; о том, что последняя, будучи наследницей татарских ханов и византийских басилевсов, являла собой яркий пример азиатской деспотии». «Из всего этого делается вывод об исконной любви русского народа к рабскому состоянию и о том, что Россия была азиатской державой»⁵.

Но дело было вовсе не в татарщине, не в азиатщине, а в том, что «приходилось отбиваться на все четыре стороны света». По подсчетам В. О. Ключевского, великорусская народность в период своего формирования за 234 года (1228–1462 гг.) вынесла 160 внешних войн. «Едва выступив в качестве политического центра Великороссии, Москва столкнулась одновременно с несколькими противниками, из которых, по крайней мере, двое (Великое княжество Литовское и Золотая Орда) превосходили ее и по наличной боевой мощи, и еще больше по своему военному потенциалу. Чтобы как-то уравновесить силы, Московское государство должно было гораздо полнее мобилизовать и людские ресурсы, и материальные средства русского общества, чем это могли позволить себе соседние державы». «И Западная Европа в конце концов сосредоточила в руках своих монархов абсолютную власть... В этом Россия далеко не оригинальна. Её своеобразие в другом: в том, что, отставая от Запада в своем экономическом развитии, она сумела обогнать его в степени концентрации государственной власти... Вот почему теоретик абсолютизма во Франции Жан Боден уже в XVI веке смотрит на Россию как на пример для подражания и призывает изучать историю московитов». «Политическая централизация при

² Цит. по книге Ф. Нестеров. Связь времен. 3-е изд. М., «Молодая гвардия», 1987, с. 36–37.

³ Ф. Нестеров. Связь времен, с. 41–42.

⁴ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 222.

⁵ Ф. Нестеров. Цит. соч., с. 38–39.

экономической децентрализации – это действительно особенность русской истории XV–XVI веков»⁶.

Опять прервалась связь времен. Москва покончила в Новгороде с вечевым укладом, столь любезным сердцу А. К. Толстого. И не только его. Его Современник Аполлон Григорьев тоже тосковал о былых вольностях, о звуке вечевого колокола:

*Да, умер он, давно замолк язык народа,
Склонившего главу под тяжкий царский кнут:
Но встанет грозный день, но воззовет свобода...
И звучным голосом он снова загудит...
В нем новгородская душа заговорит
Московской речью величавой...
И весело тогда на баинях и стенах
Народной вольности завует красный стяг...*

И ведь действительно завел красный стяг. Напророчил Аполлон Григорьев.

А девятнадцатилетний Есенин воспел «Марфу Посадницу». А кто была Марфа Борецкая? Юлия Тимошенко XV века, призывавшая новгородский евро-майdan присоединиться к Литве, а не к Москве.

Конец XV века был в основных европейских странах концом периода феодальной раздробленности. Испания, Франция, Англия, Россия стали централизованными государствами. В Италии и Германии процесс их образования затянулся до середины XIX века, а Россия, как видим, шла в ногу с Европой. Одновременно сформировались и соответствующие нации, но в каких отношениях они находились со своими государствами? Н. М. Карамзин написал «Историю Государства Российского – историю русской нации он не писал. М. О. Меньшиков историю тоже не писал, но он смотрел на неё с национальной, расовой точки зрения, единственно правильной или, как сказали бы любители иностранных терминов, адекватной. Ему можно поставить в вину смешение понятий «нация» и «раса», но, может быть, в таком смешении даже есть определенный смысл.

Русские, по определению Меньшикова, это «великий народ, принадлежащий к аристократии человечества, к арийской расе»⁷. Он явно употреблял термин «арийцы», как и Достоевский, имея в виду все народы индоевропейской языковой семьи. Уж сколько раз твердили миру, что нельзя путать лингвистическую и антропологическую классификации, в этой семье представлены народы разных рас, но немецкие расологи выделяли среди них в качестве высшей одну нордическую. Наши же мыслители хотели, чтобы отношения внутри этой семьи строились на равных. Немцев же с их притязаниями Меньшиков, когда шла Первая мировая война, называл «волкоподобной расой», отмечал ее «душевное уродство»: «Душа немецкого народа предательская и жадная до чужого добра»⁸.

Выдающийся советский антрополог В. В. Бурнак называл расу исторической категорией. И по Меньшикову «раса физически и духовно является вообще не сразу... Примеси отклоняются, совершенствуют или убивают породу. Созревающая национальность представляет собой гений народа. Законченная раса есть как бы отдушина тайных способностей природы»⁹. «Материал для наций даётся природой, но сами нации слагаются как продукт лишь

⁶ Ф. Нестеров. Цит. соч., с. 43–45.

⁷ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 219.

⁸ Там же, с. 502, 512, 497.

⁹ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 151.

государственной культуры»¹⁰. Однако, необходимо иметь не какую попало, а «национальную власть. Это требование глубоко биологическое, связанное с индивидуальностью нации. Только при национальной власти народ свободен... Русский народ, член арийской семьи, слишком благороден чтобы терпеть... рабство»¹¹. Однако, терпит.

«У нас инородческое засилье идёт со времён татарских. Предприимчивые инородцы вроде Бориса Годунова сеяли вражду между царем и древней знатью... Инородцам мы обязаны величайшим несчастьем нашей истории – истреблением в XVI веке нашей древненациональной знати»¹². «Тяжесть государственности навалили на несчастный великорусский центр»¹³, на «исстари угнетаемый в пользу окраин великорусский народ»¹⁴. «Мы свою национальность поставили ниже всех»¹⁵. «У нас... инородцам предоставили права даже не равные, а более высокие, чем «господствующему» (!) народу»¹⁶.

Так было «исстари», так остается и до сих пор. Названия государства меняются, но неизменно одно: русский всегда в загоне, даже когда это государство именуется «Русским» или «Российским».

А ведь всё должно быть наоборот. Всероссийский национальный Союз, в котором активную роль играл Меньшиков, ставил своей целью «восстановление русской национальности, не только как господствующей, но и государственно-творческой»¹⁷.

И вот вам связь времен. В конце девяностых годов Комитет по геополитике Государственной Думы и фракция ЛДПР пытались зафиксировать в законе государствообразующую роль русского народа. Был проведён опрос, и многие губернаторы русских «субъектов Федерации» эту инициативу поддержали. Но закон этот, конечно, не состоялся, потому что русским людям в России ничего и заикаться о каких-то своих особых правах.

В декабре 2010 года на улицах Москвы снова зазвучал лозунг: «Россия для русских!» А ведь это лозунг Меньшикова¹⁸. А. Севастьянов и А. Савельев выступают за создание Русского Национального государства. Необходимость этого обосновывал Меньшиков. «Давать засилье инородцев в составе власти государственной – это гибельная ошибка... Власть, как орган воли народной, должна выражать только народную душу, и никакую больше... В самые важные роковые моменты, когда должен заговорить дух расы, у инородцев едва ли проснется русский дух»¹⁹, власть в каждой стране должна быть строго национальной». «Только строго национальные государства бессмертны»²⁰. «Великие государства падали от одной причины – от инородческого вторжения, от расстройств национальности»²¹. «Будь наше племя не столь перемешано инородчиной, а более породистым и национальным, оно было бы, может быть, талантливее и сильнее характером»²².

Меньшикова обвиняли в «зоологическом национализме». Вспомним, что и Н. Я. Данилевского обзывали «зоологом среди славянофилов». «Зоология – великая наука» – спокойно

¹⁰ Там же, с. 537.

¹¹ Там же, с. 285.

¹² Там же, с. 69–70.

¹³ Там же, с. 337.

¹⁴ Там же, с. 432.

¹⁵ Там же, с. 156.

¹⁶ Там же, с. 75.

¹⁷ Там же, с. 179.

¹⁸ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 89, 184.

¹⁹ Там же, с. 56.

²⁰ Там же, с. 464.

²¹ Там же, с. 68.

²² Там же, с. 372.

парировал Меньшиков. Она учит распознавать причины вырождения²³. «Скотоводы – не стеснялся приводить их в пример Меньшиков – выводят любое повышенное качество, встречающееся у животных. Так точно подбирается и любое качество человеческой расы, в том числе интеллектуальность и характер»²⁴. И наоборот, «смешение с низкой расой роняет совершенство высшей, растрчивает многовековые драгоценные приобретения ее типа». К «низшим расам» Меньшиков относил евреев²⁵.

Новым, поистине тектоническим сдвигом на пути к дальнейшей денационализации России стал очередной разрыв связи времен – «славные дела» Петра. Начало петербургского периода нашей истории мы снова дадим описать поэту – Максимилиану Волошину, который в своей поэме «Россия» связал петровское время с будущим:

*Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет, к ее грядущим далям,
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опрочь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле...
...И тот же дух ведет большевиков
Исконными российскими путями.*

Меньшикову не хотелось даже называть Петра I «Великим». Он считал «историческим преступлением ту революционную грубость, с которую Петр, под внушением немецкой колонии, взял да и срыл родную государственность». «Мы с легкой (точнее, с тяжелой) руки Петра вступили на путь хронической государственной революции»²⁶.

«Хроническая» это ведь то же самое, что «перманентная». Вы думали, она началась с Троцкого, а она началась гораздо раньше.

И. Тальков воспевал «век золотой Екатерины», любясь сусально-лубочными образами прошлого России (они сейчас в ходу и в моде). А с точки зрения Меньшикова, это была «эпоха наиболее яркого развития свинства», возникло «ужасное для всякой культуры условие – паразитизм аристократии»²⁷. «В XVIII веке Россия перенесла роковое несчастье – она потеряла свой национальный правящий класс»²⁸. «Аристократия растворилась во всевозможных примесях... Самое слабое место нашей народности – наша правящая знать»²⁹. «Никогда Россия столько не отставала от Запада, как через столетие после Петра»³⁰. Это было время немецкого засилья, время, когда герой войны 1812 года генерал Ермолов запросился в немцы, а князь П. А. Вяземский написал свои знаменитые стихи «Русский Бог»:

*Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших на порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он, русский Бог!*

²³ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 430.

²⁴ Там же, с. 376–377.

²⁵ Там же, с. 115–116.

²⁶ Там же, с. 528–529.

²⁷ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 47, 48.

²⁸ Там же, с. 86.

²⁹ Там же, с. 155.

³⁰ Там же, с. 376.

Достоевский, описывая в «Бесах» губернатора фон Лембке, сопровождает его характеристику таким ироническим комментарием: Он «принадлежал к тому, фаворизованному (природой) племени, которого в России числится по календарю несколько сот тысяч и которое, может, и само не знает, что составляет в ней всю свою своей массой один строго организованный союз. И уж, разумеется, союз не предумышленный и не выдуманный, а существующий в целом племени сам по себе, без слов и без договору, как нечто нравственно обязательное, и состоящий во взаимной поддержке всех членов этого племени одного другим всегда, везде и при каких бы то ни было обстоятельствах».

Прочтите сегодня эту цитату кому-нибудь, кто не читал «Бесов», и спросите его, о ком, по его мнению, идёт речь? Он ответит: «Разумеется, о евреях». Разница не просматривается.

Как пишет Меньшиков, немцы, жившие в России, «не любили русского народа, который кормил их, а глядели на него с презрением». Добавим: как и евреи, разница опять не просматривается. «Оттого у нас запоздало с отменой и крепостное право. Оттого запоздало и всеобщее школьное обучение. Оттого в начале XX века мы наименее образованная страна в Европе, особенно в отношении технического труда. Влиятельные немцы умышленно старались держать нас в чёрном теле и навсегда приурочить к наиболее грубым, чернорабочим формам труда». И наша «колоссальная и непростительная глупость – это терпеть на своей земле присутствие столь наглого, внедрившегося к нам паразита»³¹. Меньшиков постоянно клеймил, как паразитов, евреев, – теперь он причисляет к паразитам и «братьев-арийцев». Нет никакого арийского братства, наше арийство кончается на нашей границе.

При таком немецком засилье неудивительно, что на протяжении XIX века «всё время шла политика глубоко антинародная»³². Неудивительно, что завоёванные в результате русско-турецкой войны территории на Кавказе заселялись кем угодно, только не страдавшими от безземелья русскими крестьянами. «Родина была мачехой для народа русского и родной матерью для турецких армян, для греков, для вюртембергских немцев, для эстов и латышей»³³.

Меньшикова и в его время очень беспокоило, что в министерстве иностранных дел из 696 мест 529 заняты людьми нерусских фамилий³⁴, а в составе военного министерства только 25 % русских³⁵. Царское правительство обеспокоенность Меньшикова не трогала.

Зато его рекомендациям последовал Сталин, взявший после того, как прошел интернациональный пароксизм 20-х годов, национальный курс. Назначая в 1939 году Молотова наркомом иностранных дел, он давал ему такой совет: «Будешь набирать новый штат – не бери грузин – грузин за сладкую жизнь все продаст (Сталин предвидел явление Шеварднадзе); евреев – о ни не имеют отечества, и хохлов – они тупые».

А ещё раньше, в 1937–1938 годах, Сталин провел основательную очистку армии от инородных элементов в её командном составе.

Вот и прикиньте, когда, в какое время исторический «провал» был глубже. Вот когда Коммунистическая партия при Хрущёве начала кромсать свою собственную историю и вырезать из неё Сталина, тогда и начался её провал. Кого-то, может быть, и удивит резкий отзыв Сталина о «тупых хохлах»: Меньшикова он бы не удивил. Он уже тогда бил тревогу, указывая на огромную потенциальную опасность, исходящую от украинских националистов, которых в те времена называли мазепинцами, после гражданской войны – петлюровцами, а теперь называют бандеровцами. «Ни одно из инородческих племен – кроме разве поляков – не обнару-

³¹ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 535, 532.

³² Там же, с. 254.

³³ Там же, с. 258.

³⁴ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 55.

³⁵ Там же, с. 61.

живает такой воспалённой ненависти к Великой России, как эти представители Малой Руси». Украина, особенно Западная, оставалась главным рассадником русофобии и в Советском Союзе в последние десятилетия его существования, а сегодня на Украине она вообще зашкаливает. «Государственная власть обязана глядеть на украиноманство как на одну из злокачественных язв нашей внутренней жизни»³⁶. Самым страшным предвестием имперского распада следует считать т. н. мазепинство»³⁷. Это «опаснейший из раздирающих Россию сепаратизмов»³⁸. «На мазепинское движение пора смотреть как на самый тяжкий вид государственной измены»³⁹.

А теперь о Шевченко и о «тупых хохлах». «Очень часто талантливый человек принадлежит к невежественной и бездарной породе, и совершенно независимо от него его личный талант окрашивается расовой ограниченностью»⁴⁰. Трудно ясней сказать о расовой бездарности украинцев. А чем она объясняется? «Очевидно, в крови их проснулись те тюркские кочевники, которые когда-то терзали Южную Русь»⁴¹. «Хамы остаются хамами, обличая глубокое варварство своей породы. Говоря о породе, я убежден, что мазепинцы вполне справедливо отрекаются от имени русских: по духу и темпераменту это обруселое потомство половцев и печенегов, поднимающее вновь войну со Святой Русью. Сказалась чуждая благородным обычаям гостеприимства раса, только и способная, что на насилии... Степные тюркские народы оттого и исчезли, что кроме мелкого разбойничества они ни на что не были способны. Этот низкий уровень умственных способностей передался... и их мазепинскому отродью»⁴².

Во времена Меншикова господствовала концепция «триединого народа». Многие у нас, включая правителей высшего уровня, верят в нее до сих пор. А Ленин говорил об Украине во время гражданской войны: «Это новая страна, другая страна, а наши русопяты этого не видят». Опуская антирусские словечки Ленина, всю жизнь яростно воевавшего против мифического «великорусского шовинизма», в суть его определения следует вдуматься. Украина это действительно новая, другая страна, и непонимание этого порождает ложные надежды и неправильную политику.

Хватит разговоров о братском единоверном народе. Никакой он не братский, как говорят в подобных случаях, «Каин тоже был братом». И единоверным он перестает быть, раскалывая сегодня православие. Эпицентром украинского национализма была австрийская Галичина, воображавшая себя украинской Пруссией или Пьемонтом. Меншиков призывал к войне с Австрией ради освобождения этой части «русской» земли, еще остающейся под чужеземным господством (в Италии подобные устремления назывались «ирредентизмом»). Он не подозревал, что работает тем самым на ненавистных ему мазепинцев, и был поражен, узнав, что в феврале 1914 года, т. е. накануне действительной войны с Австрией, в Киеве прошла демонстрация под лозунгами: «Да здравствует самостийна Украина! Да здравствует Австрия! Долой Россию!»

Вот так «братья-славяне»! Готовы воевать против нас на стороне врага. Мечту Меншикова осуществил Сталин, присоединил Галичину к СССР, но сделал этим сомнительное приобретение, засунув в общий дом осиное гнездо, точно так же, как промахнулась Екатерина II, получив в нагрузку вместе с Польшей миллионы пригревшихся в ней евреев. Вообще-то Меншиков славянофильством не страдал и открыто говорил об этом: «Я лично не разделяю мечты славянофилов о создании великой славянской империи». Он считал это невозможным,

³⁶ М.О. Меншиков. Цит. соч., с. 225.

³⁷ Там же, с. 294.

³⁸ Там же, с. 444.

³⁹ Там же, с. 441.

⁴⁰ Там же, с. 450.

⁴¹ Там же, с. 229.

⁴² Там же, с. 465–466.

потому что «отдельные славянские народы не обнаруживали никакого химического сродства. Они не тянулись друг к другу, а скорее были заряжены силою отталкивания и расхождения»⁴³. Мечту Н. Я. Данилевского о славянском единстве осуществил после войны тот же Сталин, но его быстро стали разваливать те же славяне – началось с титовской Югославии, а кончилось тем, что сегодня уже нет ни Югославии, ни Советского Союза.

Болгарию Меньшиков называл «подлой» и поделом: в двух мировых войнах она была на стороне врагов нашей страны, а недавно отказалась от выгодного для нее «Южного потока», повела себя как примерная, послушная овечка европейского стада.

О поляках и говорить нечего. Герцен признавал только за ними право нас ненавидеть, но он делал это, это когда Польша находилась под властью России, а сегодня? Русские ушли, а ненависть осталось. Теперь-то за что? За то, что Сталин подарил Польше обширные немецкие территории, никогда ей не принадлежавшие? Даже Черчилль тогда опасался, как бы польский гусь не умер от объедения, если мы обкормим его немецкой кашей. Не умер, сожрал, хотя даже Ульбрихт просил у поляков вернуть немцам хотя бы Штеттин. Не вернули.

Помните песню о Сережке с Малой Бронной и Витьке с Моховой, которые за Вислой сонной лежат в земле сырой? Согласно этой песне, их якобы помнит «мир спасенный». Ни хрена он не помнит этот мир, он, наоборот, уничтожает теперь памятники на могилах наших солдат. Может, его и не стоило спасать? Муссолини в апреле 1943 года предлагал Гитлеру заключить сепаратный мир с Советским Союзом, но Гитлер решил, что Сталин на это не пойдёт. А почему? Сталин в 1941 году готов был пойти на второй Брест при всех его потерях и унижениях, а в 1943 году договор мог быть заключён при условии отвода немецких войск на границу 1941 года. Сколько людей мы бы тогда сохранили! А Польша могла бы продолжать наслаждаться прелестями немецкой оккупации. Вот было бы хорошо!

А сегодня журналистка Д. Асламова в беседе с Лавровым говорит ему, что возмущенный народ предлагает подогнать бульдозеры и снести Катынский мемориал. «Ну что вы! – возражает тот. – Это было бы не по-христиански». Слизняк ты, а не министр иностранных дел! В попы иди!

Причём тут религия? Религия должна служить интересам нации, а не наоборот. Суббота для человека, а не человек для субботы. Можно как угодно относиться к Порошенко, но он поступает правильно с точки зрения национальных интересов, сражаясь за автокефалию украинской церкви.

Славянофилы в своё время договаривались до того, что «без православия наша народность – дрянь»⁴⁴. Это какой дрянью надо быть, чтобы такое выдать? Если православие обладает таким магическим свойством придавать дряни мировое значение, почему она не придаёт его румынам? И. С. Глазунов, выступая однажды по телевидению, в сердцах назвал Румынию «европейской клоакой». Будь он менее знаменит, его могли бы сразу же поволочь по 282-й статье за «разжигание».

Кстати, когда «Новое время» дало в феврале 1914 года информацию о безобразии, учиненном в Киеве украинскими националистами, местное начальство, стараясь замаять эту мерзкую историю, стало её отрицать и призвало её не акцентировать: это возбуждает страсти! Это вносит раздор между двумя частями населения! Стремление пресечь «разжигание» было обращено преимущественно в одну сторону – в сторону патриотических выступлений⁴⁵.

Как всё это похоже! И сегодня кавказцы могут творить любые безобразия, но когда русские осмеливаются выразить свое возмущение по этому поводу, им строго приказывает «не

⁴³ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 368.

⁴⁴ Эта сентенция принадлежит А. Кошелеву.

⁴⁵ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 468–469.

разжигать». Проходят десятилетия, меняются режимы, а Россия по-прежнему «не для русских».

М. О. Меньшиков был сын священника и человек глубоко верующий, но у него язык бы никогда не повернулся изречь такую мерзотину, как «без православия наша народность дрянь». У него было особое отношения к знаменитой уваровской формуле «православие – самодержавие – народность», народность в ней он ставил не на последнее, а на первое место. «Страна может считаться православной и в то же время смердеть бытовым разложением, общим развращением нравов... Власть может почитаться самодержавной и в то же время быть бессильной, чтобы справиться с... упадком духа народного, того, что французы называют гением расы. И православие, и самодержавие не создают этого гения, а сами черпают из него свою силу, свою истину и красоту. Только из могучего корня идет сильный ствол и железные по крепости сучья... Кричите, сколько хотите, об истинности православия, о «веках святых»: все это было в прошлом... Настоящее православие, искреннее, верующее в Бога в народно-русских поэтических представлениях, православие национальное было, да сплыло или стремительно сплывает»⁴⁶.

Национальный дух у Меньшикова это не тот обычный в нашей религиозной философии бесплотный русский дух, который нисходит откуда-то с небес аки Дух Святой в виде голубине. Нет, он разбивается на вполне определенной расовой основе. Меньшиков постоянно доказывал, что «прекрасные девизы: мир, свобода, равенство, братство, просвещение и пр. – все они неосуществимы, если нет единодушия народного. Все они разбиваются о раздор, свойственный слишком пестрым расам. Древние, более свежие народы безотчетно чувствовали, необходимость единодушия и потому отстаивали, сколько могли, единокровие свое, чистоту племени. В одинаковом лишь теле может обитать одинаковая душа», поэтому «стремление к племенному единству есть не каприз, а требование самой природы»⁴⁷. «Внутри России мы искренно не можем допустить... равноправия. Тут другое тело народное и, значит, другая должна быть душа, именно – наша душа и только наша»⁴⁸. «Каждый несет в своей крови и в нервных клетках смутную память обо всём, что думали и чем волновались предки. Душа не более как тысячеголосый хор предков»⁴⁹. А представляете, какой это «хор», если предки разные? Сплошная разноголосица, кто в лес, кто по дрова.

По Меньшикову, «плоть есть оплотневший до осязательности дух, как дух – простая эманация плоти»⁵⁰. Дух, таким образом, вовсе не бесплотен, он лишь эманация плоти. Но что происходит с духом, когда он покидает плоть? Умирает он вместе с ней или нет? У христиан есть готовый ответ на этот вопрос, но в мире есть и другие веры, и кто может сказать и доказать, какая из них правильней выражает всё сложность мироздания? Каждый верующий будет восхвалять свою. Мы на короткое время сойдем с родной почвы, но лишь затем, чтобы потом снова на неё вернуться.

Юлиус Эвола говорил в особой главе своей книги «Бунт против современного мира», опираясь на индоарийскую традицию, о двух путях в потусторонний мир. Один из них назывался путь богов (дева-яна), другой – путь предков (пи-три-яна). Оба пути можно рассматривать как вечные, только тот, кто идет по первому, не возвращается, а тот, кто идет по второму – возвращается.

⁴⁶ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 259.

⁴⁷ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 314.

⁴⁸ Там же, с. 292.

⁴⁹ Там же, с. 266.

⁵⁰ Там же, с. 513.

Первый путь в пояснениях не нуждается. Это то самое Царствие Небесное, Царствие не от мира сего, куда звал людей Христос, или Нирвана, куда звал людей Будда. Со вторым путем сложнее.

Согласно толкованию Эволы, «другим путем идут те, кто фактически не продолжает жить, а постепенно растворяется в предках, в «тотемах», которые одни только не умирают», и ведут «личиночное, бессознательное состояние» или возвращаются в круговорот реинкарнаций⁵¹.

Эвола употреблял термин «тотем», относящийся к религиозным представлениям первобытных людей, но его вполне можно заменить термином «архетип», который ввел Карл Густав Юнг для обозначения «коллективного бессознательного». Богов древнего мира он считал символами архетипов.

Но ту же самую мысль выразил и Меньшиков в своей статье «Души народов» (1914). «Ничто не умирает. Не умирают души людей и явлений. Не думайте, что умерли древние боги... они живут гораздо ближе к нам, чем мы думаем, они живут в нас самих. Это наши страсти, это племенные свойства, созданные вместе с нашей природой. Идолы богов разрушены... самое же существо богов осталось... Не где-то в Греции, а под черепом вашим помещается Олимп, управляющий судьбою вашей, и хотите вы этого или нет, сознательно или бессознательно вы до сих пор служите древним богам – мрачным или светлым, смотря по преобладанию в вас темного или светозарного начала»⁵².

Гениальная мысль! Она включает в себя не только архетипы К. Г. Юнга, но и неудобнопроизносимые «резидуумы» В. Парето, под которыми понимаются генетические программы определенных форм поведения человека, его действий, большей частью нелогичных (Меньшиков тоже считал, что «человек существо иррациональное»)⁵³.

Меньшиков исходил из того, что человек создает богов своих по своему образу и подобию. И образ Одина с двумя вóронами на плечах и с двумя волками у его ног был в его глазах прообразом ненасытимой ничем и свирепой жадности «волкоподобной» германской расы⁵⁴. О русских богах он не мог составить себе четкого представления, знал только, что светлый и благодетельный Дажбог был сыном Неба (Сварога) и олицетворял собою Солнце и что русские люди, согласно «Слову о полку Игореве», считались его внуками, т. е. прямым потомством Солнца.

О божествах восточных славян нельзя судить по пантеону князя Владимира, который был «интернационален», подобно римскому – римляне включали в свой пантеон, наряду со своими богами, и богов покоренных народов. Перун не был народным богом, его называют «княжеским», но он был скорее богом дружины. Варяги, как и пираты, не национальность, их вождями были скандинавы, а дружина, очевидно, состояла в основном из балтийских пруссов, отсюда и «русь» – Игорь ходил на древлян «со всей русью» – не народом, разумеется, а дружиной. Перун – не славянский и не скандинавский, а литовский бог.

Что же касается Дажь-Бога, то Меньшиков напрасно думал, будто не осталось преданий, как символизировали наши предки это светлое божество. В описании пантеона князя Владимира стоит через черточку «Хорс-Дажьбог», а «хорс» это иранское слово, обозначающее солнце («бог», кстати, – тоже иранское). Налицо плод многовекового симбиоза славян и иранцев-скифов. Иранская символика этого божества хорошо известна – крылатый солнечный диск. Еще одно божество этого пантеона, Симаргл, это иранский Син-марг, фантастическое существо, крылатый пес в рыбьей чешуе, символ власти над тремя стихиями.

⁵¹ J. Evola. Revolte gegen die moderne Welt. Vilsbiburg, Arun, 1993, S.79, 83.

⁵² М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 503.

⁵³ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 172.

⁵⁴ Там же, с. 501–502.

Дажьбог был сыном Сварога, т. е. Неба. Имени Сварога в пантеоне Владимира не было и не случайно. «Svarga» на санскрите обозначает не то небо, которое мы видим, а, выражаясь христианским языком, Царствие Небесное. Русские считали себя прямыми потомками солнечного божества. «Владимир Красно Солнышки» это не поэтический эпитет, а признание его воплощением солнечного божества. «Язычники» почитали его как воплощение божества, христиане чтут как святого, – здесь мы имеем как бы синтез двух вер.

Для пантеона Владимира характерно преобладание в нем мужских божеств, из женских в нем представлена одна лишь не совсем понятная Мокошь, имя которой похоже на этноним финского народа мокши – может быть, это тоже было проявлением «интернационализма»? Но в древних мифологиях обычным было сочетание Небо-Отец, Земля-Мать. Позже на Руси Богородица – символ материнства – даже потеснила (как в южных романских странах) Божественную Троицу. Иконы с ее изображениями были самими почитаемыми.

М. О. Меньшиков в статье с заголовком, взятым у Гете, – «Вечно женственное» – поставил «женственность в хорошем смысле этого слова выше человечности». «Беды нет, что в закон женской природы вложена влюбленность плотская. Все-таки это любовь, а не ненависть, и, будучи плотской, все-таки это высокое душевное состояние»⁵⁵.

Но времена Гете прошли, и «чего недостает немцам теперь, это, конечно, не мужественности, а женственности. Первым из этих качеств за всех немцев гордился Бисмарк, противопоставляя мужественной тевтонской расе женственную славянскую». «Стараясь быть для чего-то как можно более мужественными... немцы... дичали. Они стали и в самом деле походить на своих предков – варваров, описанных Цезарем и Тацитом». «Женственность с этой точки зрения как будто выходит выше мужественности. Вместе с Шопенгауэром, в эпоху которого немцы начали нравственно дичать, множество людей искренно считают женщину «вторым сортом человека»⁵⁶. «Мы знаем, до чего доводит торжество мужества, но ведь и преобладание женственности в иных странах ведет к гибели... Избалованное долгим миром общество даже забывает, что есть война. Оно постепенно перестает интересоваться защитой жизни и все внимание устремляет на комфорт, на развлечение... И очень часто слишком долгий мир накапливает собой тяжкую социальную несправедливость («зверит людей», как говорил Достоевский), из которой нет выхода. Одной женственности и кротости не справиться с мирными организациями зла». И когда начинается война, «на поддержку ослабевшей женственности должно выступить мужество народное... Недаром природа двойственна и в этом, как и во всем. Нам хотелось бы торжества одного начала, которое мы считаем благим. Но природа достигает равновесия жизни сочетанием двух стихий, а иногда и многих»⁵⁷.

Мысли Меньшикова уносили его далеко за пределы той религии, в которой он был воспитан и которая сдерживала их развитие. Пройдя через промежуточную стадию двух начал, он дошел даже до догадки об их множестве. «Природа создала не одну, а разные национальности»⁵⁸. Почему? Да потому, что такова суть природы. Эту мысль подробно обосновал Пьер Шассар (1926–2016) в своей книге «Разнообразие в природе» и других своих работах. Природа разнообразна на всех уровнях – в звездных мирах, в химических элементах, в животном мире и в человеческом обществе. Это философское обоснование и оправдание национализма. «В исключительном своеобразии... заключается смысл жизни»⁵⁹. Вы поняли, что этим сказано? Достижение и защита самобытности или, как сегодня предпочитают говорить из любви к ино-

⁵⁵ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 513.

⁵⁶ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 514.

⁵⁷ Там же, с. 516–517.

⁵⁸ Там же, с. 176.

⁵⁹ М.О. Меньшиков. Цит. соч., с. 175.

странщине «идентичности», это главное в жизни, это и есть тот её смысл, за которым многие, подобно Чацкому, «езды далеко», а он здесь, рядом.

Толстые книги написал В. Парето. Меньшиков не мог их читать, но он не хуже Парето понимал значение «циркуляции элит», понимал, к чему приводит превращение аристократии в паразитические классы. О французской революции Меньшиков писал: «Великая революция родилась не из головы Руссо, а из инстинктов расы, почувствовавшей, что важный и необходимый орган народный – культурное сословие – а трофировался от праздности»⁶⁰.

У нас после революции побеждённые всё валили на царя, мол, царь был плохой, а то бы... Да нормальный был царь, но прогнал правящий класс, и на кого царь мог опереться, когда «кругом измена»?

Понимал Меньшиков так же, как и Парето, что на смену прогнившему классу приходит новый, более здоровый, но отнюдь не весь, а только его элита, потому что «управляет нацией всегда лишь едва заметная группа лиц»⁶¹.

У Парето циклически сменяют друг друга, как волны, «резидуумы» комбинаций и сохранения агрегатов. Меньшиков прослеживал в нашей истории смену подъёмов духа и затишья. «Волны русской истории вообще поднимаются не более двух раз в столетие»⁶². Он смотрел глубже Парето: «Никогда в истории не бывает так, чтобы в одну эпоху действовали только созидательные начала, а в другую – только разрушительные»⁶³. Так что и в революции, если не просто тупо её ненавидеть, можно рассмотреть её созидательные начала. Ф. Нестеров включал в свою связь времен не только советский период, но и всю нашу революционную традицию, начиная с декабристов и Герцена. В августе 1991 года толпа «демократического» сброда сбила в Новгороде памятную доску со здания, в котором во время своей полуссылки работал Герцен. Эти дебилы не знали, что Герцен был противником Маркса и предрек крах марксистского эксперимента.

Меньшиков отнюдь не принадлежал к революционной традиции, совсем наоборот, но когда в 1907 году было предложено перенести прах Герцена и памятник ему в Россию, Меньшиков отнесся к этому иначе, чем современные безмозглые новгородцы. Он писал: «Герцен был, бесспорно, крупный талант. Полунемец-полурусский, он любил Россию всею полнотою души... Несомненно, кое-что полезное для России Герцен сделал, так почему бы праху его не найти места в родной земле? И почему бы медной статуе его, забытой в Ницце, не украсить собою могильного холма или даже площади родного города?»⁶⁴ Вспоминая о кружке Станкевича, Меньшиков сказал даже такое: «Бесконечные споры и одушевленные беседы тогдашней московской молодежи были, может быть, высшим расцветом нашей истории»⁶⁵. А сегодня московские улицы больше не называются в честь Станкевича и членов его кружка: Белинского, Грановского, Герцена.

Меньшиков ненавидел Ницше как «антихриста», но тоже считал, что «история есть борьба двух начал – аристократии и демократии»⁶⁶, хотя и не отождествлял их с определенными народами. В общем, у Меньшикова многое можно найти, не уезжая далеко.

О Ломоносове говорили, что он не только основал первый русский университет, но и сам был университетом. Мы проанализировали романский синтез, подумали о возможности романо-германского синтеза, но в итоге подняли вопрос о русском синтезе. И, не смешивая для этого, подобно гоголевской невесте, разных наших мыслителей, мы остановились на одном

⁶⁰ Там же, с. 485.

⁶¹ Там же, с. 366.

⁶² М.О. Меньшиков. Выше свободы. М., Современный писатель, 1998, с. 24.

⁶³ М.О. Меньшиков. Письма к русской нации, с. 363.

⁶⁴ М.О. Меньшиков. Выше свободы, с. 264.

⁶⁵ М.О. Меньшиков. Выше свободы, с. 396–397.

⁶⁶ М.О. Меньшиков. Письма к русской нации, с. 321.

из них, потому что он более полно, чем кто-либо другой синтезировал все, что нужно, в себе самом.

Существует мифология «мирового яйца», из которого вылупился мир. Идеям Меншикова надо помочь вылупиться из христианской скорлупы. На каком-то этапе развития организма скорлупа жизненно необходима, на каком-то она начинает мешать. Если бы возникло действительно Русское Национальное государство, оно могло бы с полным основанием считать Меншикова как своего предтечу. Принципиально важны представления Меншикова о границах этого государства. Он допускал даже нарушение территориальной целостности Империи. «Допустим даже полное отпадение таких окраин, каковы Финляндия, Польша, Армения и т. п. Я лично был бы счастлив дожить до этого: я счел бы Россию сбросившей наконец своих маленьких врагов и очистившейся от чужеродных паразитов... Территория Империи нашей сократилась бы едва заметно (взгляните на карту), а территория русского народа не сократилась бы ни на один вершок. Она освободилась бы только от болезненных наростов и гнойных прыщей. Россия вернула бы себе национальное единство, в чем заключается истинный секрет силы и процветания рас». Меншиков тоже настаивал на «неделимости России, но только России, т. е. территории, занятой русским ^{племенем}»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.